

Блокадные дневники

...Поминутно
вспоминается былое
За Невой пожар!
Полнеба пылает...
Верю, что ты ЖИВ!
ЖИВ!..
У нас не хватает
хлеба...
Оставалась надежда
только на карточки...

Знать и помнить...
Писатели и поэты о
блокадном Ленинграде

...Красуйся, град
Петров, и стой
Неколебимо как
Россия...
Фотографии блокадных
дней

**70 лет
снятия
блокады
Ленинграда**

И в ночи январской беззвёздной,
Сам дивясь небывалой судьбе,

Возвращённый из смертной бездны,
Ленинград салютует себе.

Главный редактор - Хайретдинова Л.В.

Технический редактор - Лапшова Е.Б.

**В выпуске журнала принимали участие сотрудники БИЦ ОП 1,
студенты группы МТС 9-1, РТР 9-1**

Дорогой друг!

Перед тобой очередной выпуск журнала, посвященный 70-летию снятия блокады Ленинграда.

Возможно ты впервые встречаешь название города с таким именем? Историческое имя города было Санкт-Петербург. После Октябрьской революции 1917 года город был переименован в Петербург, а после смерти В.И. Ленина стал носить его имя – Ленинград. В 1991 году городу возвращено его историческое имя Санкт-Петербург.

В годы Великой Отечественной войны на долю жителей Ленинграда выпало одно из самых тяжелых испытаний – блокада города. В ходе военных действий город был взят в кольцо немецко-фашистскими войсками. Единственной дорогой на «Большую землю» был путь, связанный с большими опасностями через озеро Ладога. С 20 ноября 1941 года рабочие стали получать по продовольственным карточкам 250 граммов хлеба в день, все остальные – по 125 граммов. Несмотря на столь скудное питание и непрекращающиеся бомбежки, город стоял до конца.

871 день жители блокадного города жили, учились, трудились и боролись вопреки смертельной опасности. Свыше 500 тысяч жителей участвовали в строительстве оборонительных сооружений. В городе было построено больше 4 тысяч дотов и дзотов, в зданиях оборудовано 22 тысяч огневых точек, на улицах возвели 35 километров баррикад и противотанковых препятствий. Тысячи ленинградцев вступили в партизанские отряды. Рабочие за время блокады изготовили и отремонтировали 2 тысячи танков, полторы тысячи самолетов, тысячи морских и полевых орудий, изготовили 225 тысяч автоматов, 12 тысяч минометов, свыше 10 миллионов снарядов и мин.

Нечеловеческими усилиями ленинградцам удалось отстоять свой любимый город. Фашистским войскам не удалось захватить Ленинград ни с ходу, ни штурмом, ни осадой и измором. Долгих 29 месяцев они вели ожесточённую, кровопролитную битву с городом, который по своему вкладу в общую борьбу сравнялся с фронтом. Ленинградцы пережили ужасы голода и холода, бомбёжки и обстрелы, понесли ни с чем несравнимые потери, но не сдались.

8 мая 1965 года Указом Президиума Верховного Совета СССР Город-герой Ленинград был награждён орденом Ленина и медалью «Золотая Звезда».

В представленном вашему вниманию номере журнала Вы прочтёте выдержки из дневников свидетелей тех страшных дней, а также перед Вами предстанут фотографии, сделанные военными журналистами и фотокорреспондентами.

**«А вы, мои друзья последнего призыва!
Чтоб вас оплакивать, мне жизнь сохранена.
Над вашей памятью не стыть плакучей ивой,
А крикнуть на весь мир все ваши имена!**

**Да что там имена! Ведь все равно – вы с нами!..
Все на колени, все! Багряный хлынул свет!
И ленинградцы вновь идут сквозь дым рядами —
Живые с мертвыми: для славы мертвых нет».**
Анна Ахматова (1942 год)

**Блокадный дневник Миши Тихомирова [Текст] : публикация
Нины Тихомировой // Звезда : ежемесячный литературно-
художественный и общественно-политический независимый
журнал. - 2010. - N 2. - С. 179 -202.**

Ленинград. 8 декабря 1941 г. Начинаю этот дневник вечером 8 декабря. Порог настоящей зимы. До этого времени было еще малоснежие и морозы были слабые, но вчера, после -15° -ой подготовки утром ударил мороз в -23° . Сегодня держится на 16° , сильно метёт весь день. Снег мелкий, неприятный и частый, пути замело, трамваи из-за этого не ходят. У меня в школе было только 3 урока. <...>

Так как дневник начинает писаться не только не с начала войны, но с середины обычного месяца, необходимо сделать краткий перечень всего интересного, что произошло у нас и как мы живём в данный момент.

Ленинград в кольце блокады; часто бомбардировался, обстреливался из орудий. Топлива не хватает: школа, например, отапливаться углём не будет. Сидим на 125 гр. хлеба в день, в месяц мы получаем (каждый) примерно около 400 гр. крупы, немного конфет, масла. У рабочих положение немного лучше. Учимся в бомбоубежище школы, т. к. окна (из-за снаряда) забиты фанерой и собачий холод в классах. Дома живём в одной комнате (для тепла). Едим 2 раза в день: утром и вечером. Каждый раз суп с хряпой или чем-нибудь другим (довольно жидкий), какао — утром, кофе вечером. До последнего времени пекли лепешки и варили изредка каши из дуранды (теперь она кончается). Закупили около 5 кг столярного клея; варим из него желе (плитка на 1 раз) с лавр. листом и едим с горчицей. <...>

24/XII. Настроение не очень весёлое, т. к. сводки еще не слышал, во всём теле и особенно в ногах сильная слабость. Её чувствуют все.

Сегодня узнали в школе о смерти учителя черчения. Это вторая жертва голода... Уже не ходит в школу преподавательница литературы. Папа говорит, что это следующий кандидат. Многие учителя еле-еле ходят.

Жить было бы можно, если бы получали вовремя наш маленький паек. Но это очень трудно. Да, нужна сейчас Ленинграду немедленная помощь. <...>

26/XII. Из-за отсутствия света в школе занятий не было. <...>

18/I. Встали вместо 6 в 10 и хорошо сделали: утром за крупой была очередь (давали гречневую и перловую), а днем мама получила совершенно свободно наши 600 г. Взяли и того, и другого, смесью. Вечером варим кашу из вчерашних приношений Сони, пишем папе письмо. Завтра в школу ходит Нинель только за обедом и к папе, т. к. маме снова надо идти — регистрировать карточки. Насчет школы соображения такие: пока нет папы, мама ходит в школу, надо носить воду, пилить дрова с ней. Если начнём ходить в школу, получать супы по многим причинам будет очень трудно; занятия в школе ни то ни сё. Завтра ещё Нинель посоветуется с папой: ходить или нет: слишком сложно будет всё. <...>

24/III — 42 г. Пасмурно, чуть выше нуля, тает сильно; дует теплый, приятный “ветер с запахом”, запахом весны. В школу ходила Нинель; я сижу дома, не считая походов в ТПО (караулим масло), читаю “Страницы прошлого” артиста Ростовцева.

Когда пришёл папа, серьёзно поговорили о перспективах и эвакуации. Уехать почему-то хочется страшно, но кто знает! Папа все-таки не советует уезжать.

3/IV — 42 г. Зима при старых -5°: всё покрыто довольно толстым свежим снегом, пасмурно. Ноги слабы с самого утра. Чёртова работа! Во время сегодняшней — очень сильный обстрел Московского района. Снаряды свистели в течение часа на все голоса и рвались сравнительно близко. Снова почему-то порции пищи кажутся особенно малыми, особенно сильно чувство голода. ...Встает дровяной вопрос: дрова, привезенные папой, кончаются...

17/V — 42 г. Воскресенье. Погода совсем летняя: 15° тепла; в трамваях жарко. “Замор” вчера был замечательный. Я наелся до отвала (не зря копил!).

В училище выдали обед и ужин вместе, в 1 час дня, поэтому вернулся домой рано. Что будем делать — не знаю. Может быть, если Нинель придет рано, сходим в кино.

...Поминутно вспоминается былое, которое повторялось бы и сейчас, не будь проклятой войны. И понятно: трава уже большая, скоро будут листья (на кустиках уже есть), а погода!..

А тут с утра до вечера я — в училище, да и все остальные из-за питания поздно сидят по школам.

Опять хочется удрать подальше из героического постылого и надоевшего Ленинграда.

Источник: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2010/2/ti15.html>

Евгеньев-Максимов, Владислав Чёрные дни Ленинграда [Текст] : воспоминания / В. Евгеньев-Максимов // Звезда : ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический независимый журнал. - 2011. - N 2. - С. 101 - 137.

21 июня я в сопровождении Алечки и Тони уехал в Ленинград, чтобы получить от машинистки последние главы моей книги. Машинистка не подвела, и я поспешил засесть за просмотр этих глав. Работал весь вечер.

21 июня и намеревался продолжить просмотр 22-го. Но “человек предполагает, а Бог располагает”. Не успел я утром прочесть и нескольких страниц, как в мой кабинет вбежала Тоня и крикнула рыдающим голосом: “Папочка, только что слышала по радио: Германия объявила нам войну...” Я вскочил, точно поражённый электрическим током. “Война” для меня не была отвлечённым понятием. Я знал, что такое “война” по впечатлениям о Русско-японской, и империалистической, и Гражданской войне... Для меня сразу стало ясно, что надвинулось что-то донельзя грозное, суровое, что борьба с гитлеровской Германией обрушит на наши головы ещё невиданные и неслыханные в истории народов испытания, что для преодоления этих испытаний потребуются поистине титанические силы.

8 сентября, под вечер, в первый раз дело не ограничилось сигналами воздушной тревоги и пальбой зениток. Вот грохнул один, заставивший заколебаться дом, взрыв, затем другой, третий...<...>

Куда деться? Бомбоубежища ни в нашем, ни в ближайших домах не было... Мы решили выйти на лестницу, ибо опытные люди утверждали, что лестницы, лестничные клетки являются наиболее прочными частями больших домов и сплошь да рядом держатся даже тогда, когда обрушиваются стены; на них-то и следует искать спасения, когда отсутствует бомбоубежище. На лестнице мы застали большинство наших ближайших соседей. Они стояли с бледными, перепуганными лицами. Когда зенитки падали особенно оглушительно, когда взрывы вражеских бомб особенно сотрясали землю, некоторые женщины крестились. Про себя должен сказать, что хотя я и не струсил в обычном смысле этого слова, но всё же бомбёжка, первая испытанная мною бомбёжка, произвела на меня тягостное впечатление... Когда пальба

стихла, вбежал кто-то с улицы и воскликнул: “За Невой пожар! Полнеба пылает”. Мы вышли на улицу, на милую нашему сердцу 9-ю линию, и увидели, что значительная часть горизонта, примерно от Исаакиевского собора до завода Марти, была затянута необыкновенно густым и тёмным дымом, прорезанным время от времени длинными языками багрового пламени. Иногда пламя вспыхивало с особой силой, и зловещие отблески от него озаряли и небо, и громаду домов...

<...> трупы.

Продовольственное положение города становилось все более критическим. Мы жили, говоря без всяких преувеличений, в смертном кругу. Каждый день не только приходилось слышать о смертях друзей, знакомых, сослуживцев, но и наблюдать бесчисленные салазки с покойниками, валяющиеся на улицах, необрунные

Сколько раз каждому из нас приходилось припрягаться к салазкам, чтобы помочь выбившейся из сил матери, жене, дочери сдвинуть с места салазки с телом дорогого ей покойника.

Как-то вблизи Тучкова моста я встретил древнего старика библейского вида, который медленно шёл по середине улицы, неся на плечах большую тяжёлую лопату. Поражённый каким-то особым выражением его лица, я невольно подошел к нему с расспросами.

— Куда вы идёте и зачем вам эта лопата?

Последовал ответ, заставивший меня буквально остолбенеть.

— Иду на Смоленское, чтобы выкопать себе могилу... Скоро помру, родственников у меня нету. Копать могилу для меня некому...

И он заковылял дальше с тем же отсутствующим, ничего не выражающим лицом. До сих пор не знаю: был ли этот старик доведённым до полного безразличия, изголодавшимся человеком или сошедшим от голода с ума?.. Начали ходить по городу и мало-помалу получили широкое распространение слухи о случаях каннибализма.

Людмила утверждала, со слов своей племянницы, работавшей регистраторшей в поликлинике, что к ним часто привозили найденных на улице покойников с отрезанными ягодицами... А однажды, захлебываясь от волнения, сообщила, что Л. К., доведенная голодом до

полубезумного состояния, собирается съесть тело своей умершей несколько дней тому назад матери.

Источник: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2011/2/b111.html>

Файнштейн, Наум. Ленинградский дневник (3 июля - 4 декабря 1941 г.) [Текст] / Н. Файнштейн // Звезда : ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический независимый журнал. - 2010. - № 9. - С. 150 - 178.

3 июля 1941 года. В райвоенкомате разговор был короткий:

— Пойдете воевать сегодня?

И мы пошли. Люди разных национальностей, профессий, служебного положения.

Дома Валенька простилась со мной молодцом. Перебарывала себя. У неё сейчас много забот <...>. Отправился на пункт. Прошли все процедуры только к вечеру. Сразу выяснилось, что мы за военные. Некоторые даже при команде “Направо!” повернули налево. Я при перекличке вместо “я” крикнул: “Здесь!” А затем поправился на “есть”. Комроты говорит:

— Надо учиться!

Он — тип профессионала-вояки, к тому же лихого. Наверное, мы на себе ещё испытаем его лихость. Помощник же командира — славный парень.

4 июля. Первый раз сегодня козырял. Пока это делать приходится не так уж часто. Ноги горят от сапог, теплых портянок и с непривычки. Сразу же натёр левую ногу. Невольно вспомнил свои удобные ортопедические туфли. <...>

При встрече с “новенькими” (пришедшими сегодня, а не вчера, как мы) он сказал, что “мы уже обжились!”. Так обстановка преобразует не только внешний облик и поведение, но и внутреннее содержание.

Вечером отпустили домой. В настроении города трудно разобраться. Детишки в сандалиях носят песок. Женщины с рвением копают щели. <...> Мобилизационная готовность — когда гром грянул. Гром среди ясного неба. Чувствуется некоторая ошеломлённость. И город, и люди как в маске с чужого лица.

Удастся ли Ёлочке с Изочкой уехать? Тогда я останусь один, и в отпуск будет некуда сходить. Но так лучше, пусть едут. Они будут в безопасности и спокойствии. Вот это и значит — защищать своих жён и детей, свой дом.

2 декабря, 1930. Итак, я освободился. Дела сдал, а назначения не имею. Очень хочется есть. Уже в 10 часов начинаешь думать о том, что до обеда ещё 5 часов. Хлеб — дуранда с полынью, масло — смазочное. Но соль есть. Ничего, перетерпим! Погода жуткая — метель. Тем не менее тревога, бомбёжка и грохочут снаряды. Население голодает, но переносит всё поистине стоически.

Фронтвые новости утешительные. Приехал один лейтенант с Дубровки. Полковник детально его расспрашивал: очень переживает, если слышит неодобрительное о миномётах.

— Передайте, — говорит, — бойцам, чтобы стреляли двойным-тройным зарядом, а не пятым — тот разрушает ствол.

Справлялся, есть ли изменения в боевой жизни по сравнению с тем, как он учил, и был явно рад, когда услышал, что нет. Он старенький, любит немного побрюзжать, но настоящий старый боевой конь: прошел 4 войны. Финны о нем издали специальный приказ: взять живым или мертвым! Ох, прямо над головой жужжит проклятый стервятник. Пожалуй, лучше спуститься вниз. <...>

4 декабря. Наконец я получил назначение — в 5-й отдельный военноподорожный батальон, завтра еду. Очень рад, что попал в действующую армию, ибо оставаться здесь совестно.

Сейчас пойду к бабушке, узнаю насчет эвакуации. Отнесу заодно тетрадь, считая её законченной. Если бабушка уедет, то доставит её моей милой и любимой жёнушке.<...> Но, во всяком случае, она увидит здесь простые человеческие мысли, чувства и поступки, причём добрая их половина посвящена той, которой автор посвятил всю свою жизнь — Ёлочке.

4. 12. 1941 г. 1100.

Ленинград

Дневник на этом кончается. О Науме Самойловиче Файнштейне ничего неизвестно с июня 1942 года.

Его жена Валентина Федоровна Кольцова получила в Кирове последнее письмо от 1 июня 1942 года со станции Песь.

На последней странице тетради есть ещё одна запись, сделанная совсем другим, четким, круглым почерком.

**Вот она: “Умка! Умка! Вот уже 1943 год, весна, 18 марта. Прошло 19 месяцев, как мы расстались, и почти 10 месяцев, как я о тебе ничего не знаю, но где-то в глубине сердца верю, твёрдо верю, что ты ЖИВ, ЖИВ! Должен быть жив! И мы скоро сядем, как прежде, рядышком и прочтём вместе эту тетрадь. Ах, родной мой! Любимый! Как я люблю тебя, как жду и молю Бога, чтобы он сохранил тебе жизнь!
18 марта 1943 года”.**

Командир 4-й роты 5-го отдельного военно-дорожного батальона 2-й ударной армии Волховского фронта Н. С. Файнштейн пропал без вести при выходе из окружения в районе Мясного Бора в июне 1942 года.

Источник: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2010/9/fa12.html>

«Сохрани мою печальную историю»: блокадный дневник Лены Мухиной

1941 год. После окончания 8-го класса. Третья слева в верхнем ряду Лена Мухина. Из личного архива родственницы Лены Мухиной

Елена Мухина – ленинградская школьница, в ноябре 1941 года (первая запись в нашей публикации относится именно к этому дню) ей исполнилось 17 лет. Самое же начало записок датировано 22 мая 1941 года, и начинаются они как самый обычный дневник девочки-подростка. Первая любовь, отношения с одноклассниками, приближающиеся экзамены... Однако после 22 июня все это сменяется записями о начавшейся войне. Собственно «блокадным» дневник становится с середины осени 1941 года. Девочка живет с приемной матерью и Акой (Азалия Константиновна Крумс-Штраус), которые обе умирают, Ака – в январе 1942 года, а «мама Лена» – 8 февраля 1942-го. Дневник подготовлен к изданию и прокомментирован сотрудниками Санкт-Петербургского института истории РАН. Помимо комментированного текста издание содержит вступительную статью Сергея Ярова, хронологию событий в Ленинграде в июне 1941-го — мае 1942 года и рассказ о том, как исследователям удалось восстановить биографию автора дневника.

«21 ноября 1941 года. Вот и наступил мой день рождения. Сегодня мне исполнилось 17 лет. Я лежу в кровати с повышенной температурой и пишу. Ака ушла на поиски какого-нибудь масла, крупы или макарон. Когда она придёт, неизвестно. Может быть, придёт с пустыми руками. Но я и то рада, сегодня утром Ака вручила мне мои 125 гр. хлеба² и 200 гр. конфет. Хлеб я уже почти весь съела, что такое 125 гр., это маленький ломтик, а конфеты эти мне надо растянуть на 10 дней.

Сперва я рассчитала по 3 конфеты в день, но уже съела 9 штук, так что решила съесть сегодня ради моего праздника еще 4 конфеты, а с завтрашнего дня стр[р]ого соблюдать порядок и есть по 2 конфеты в день. Положение нашего города продолжает оставаться очень напряженным. Нас бомбят с самолётов, обстреливают из орудий, но это всё ещё ничего, мы к этому уже так привыкли, что просто сами себе удивляемся. Но вот что наше продовольственное положение ухудшается с каждым днём, это ужасно. У нас не хватает хлеба. Надо сказать спасибо Англии, что она нам кое-что присылает. Так, какао, шоколад, настоящее кофе, кокосовое масло, сахар — это всё английское, и Ака очень этим гордится. Но хлеба, хлеба, почему нам не присылают муку, ленинградцы должны есть хлеб, иначе понизится их работоспособность. Все говорят, и по радио только об этом и говорят, что скоро мы отбросим врага от Ленинграда, что теперь осталось недолго. А как враг будет отброшен, в Ленинград прихлынут живительные потоки продовольствия. Но пока надо терпеть. Да, и мы терпим, но как это тяжело. Иногда даже отчаиваешься, думаешь, нет, п[о]дохнем мы все как мухи, не видать нам светлого дня победы. Но такие мысли надо гнать прочь. Это вредные мысли. Боже мой! Как хочется, чтобы и Ака, и мама Лена, и я, и все мы благополучно это тяжёлое время пережили и могли снова жить, дыша полной грудью. Как хочется, чтобы мама опять пополнела и чтобы Ака тоже чувствовала себя хорошо. Я так боюсь за маму и за Аку. Ведь настоящего голода они не переживут. <...>

2-е января 1942 года. Давно я уже не бралась за перо. Сколько всего произошло за это время. Наступил новый, 1942-й год.

Теперь мы с мамой одни. Ака умерла. Она умерла в день своего рождения, в день, когда ей исполнилось 76 лет. Она умерла вчера, 1-го января, в 9 часов утра. Меня дома в это время как раз не было. Я ходила за хлебом. Когда я пришла из булочной, меня очень удивило, что Ака так тихо лежит. Мама была, как всегда, спокойна внешне и сказала мне, что Ака спит. Мы попили чаю, причем мама отрезала мне от Акиной порции кусочек, сказав, что Ака всё равно не съест столько. Потом мама предложила мне пойти вместе с ней в театр за обедом. Я охотно согласилась, потому что мне было страшно одной оставаться с Акой. А вдруг она умрёт, что я буду делать. Я даже боялась, что мама попросит

меня поухаживать за Акой, пока она будет ходить. А мне не хотелось даже подходить к Аке, потому что мне было очень тяжело видеть, как она умирает. Я привыкла видеть Аку на ногах, дорогую, милую, хлопотливую старушку, всегда она была чем-нибудь занята. А тут вдруг Ака лежит беспомощная, худая как скелет и такая бессильная, что даже ничего у ней в руке не держалось. Такую Аку я не хотела видеть, и поэтому я охотно пошла вместе с мамой. Мама закрыла дверь на ключ и отнесла его в комнату к Саше. — Мама, зачем же ты Аку-то закрыла, а вдруг ей что-нибудь будет нужно. Но мама мне ответила, что Аке уже больше ничего не нужно. Что Ака умерла.

— Когда?

— Пока ты была за хлебом. Я нарочно тебя увела.

— Да что ты, мама, я бы и сама не осталась бы одна в комнате с мертвой. А простилась она с тобой?

— Нет, она уже ничего не соображала.

Итак, я узнала, что Аки уже более не существует, что Аки уже нет. По словам мамы, она умерла очень тихо. Как замерла. Похрипела, похрипела и затихла. А перед этим, в новогоднюю ночь, ей было очень плохо, и мама всё время подходила к ней. Я же спала, но сквозь сон я слышала, как кто-то мучительно стонет.»

Источник: <http://os.colta.ru/literature/projects/162/details/23436/?attempt=1>

Кудрин, И. Живы. Выдержим. Победим. [Текст]/ И. Кудрин// Родина. – 2005. – № 4. – С. 44.

Нейрохирург Иван Кудрин о блокадном Ленинграде.

Иван Кудрин в 1929 году окончил медицинский факультет Смоленского университета. Служил в Красной Армии добровольцем. Затем был хирургом участковой больницы, совмещал врачебную работу с преподаванием в ленинградских вузах, защитил в 1938 году кандидатскую диссертацию. Во время советско-финской войны 1939—1940 годов он развёртывал госпиталь в Ленинграде, руководил его работой, беспрестанно оперировал.

С первых дней Великой Отечественной войны его назначают старшим хирургом оперкоек в Институте Бехтерева. Всю блокаду он работает в осажденном городе в нескольких госпиталях, консультирует в трех эвакогоспиталях, совершая под бомбежками и артобстрелами огромные пешие переходы из одного конца города в другой. В недолгие свободные часы читает лекции по анатомии оставшимся студентам 2-го Ленинградского медицинского института, выпускает в 1942 году по заданию Ленинградского штаба обороны книгу-руководство «Военно-полевая нейрохирургия» (в соавторстве).

После войны защитил докторскую диссертацию, стал профессором и заместителем директора по учебной и научной работе Ленинградского медицинского стоматологического института. В 1954 году институт переводят в Калинин (Тверь), и он направляет свою неуёмную энергию и организаторский талант на становление нового института, преобразованного сегодня в Тверскую медицинскую академию.

«<...> Шла эвакуация заводов, раненых — и вдруг всё оборвалось. С крыш домов были видны огненные кольца от горящих деревень и вагонов на путях. «Товарищи! Мы в огненном кольце», — писала Ольга Берггольц, и я сам это кольцо видел. Начались бомбежки Ленинграда. Разбиты были здания недалеко от Московского вокзала. Долго горели зловещим пламенем разбомблённые Бадаевские склады. Постепенно усиливался и артиллерийский обстрел. Всякая эвакуация прекратилась. В магазинах исчезли все продукты. Последнее, что мне удалось купить, из-за чего жена даже сердилась, это шесть банок пюре-шпината. Оставалась надежда только на карточки.

Начиналась блокада...

В сентябре 1941 года, не считая гибели Бадаевских складов с продовольствием, сначала бомбёжек было мало. Правда, ночные воздушные тревоги стали чаще, строже стало с комендантским часом, быстро стало ухудшаться снабжение по карточкам.

Последние делились на карточки для рабочих, служащих, иждивенцев и детей. Но очень скоро на них стали выдавать очень помалу. Основное же — уменьшилось количество выдаваемого хлеба. По хлебным карточкам выдавала хлеб любая булочная, а отоварить общую карточку можно было только в том магазине, где прикреплен.

Заведовал снабжением города Андреевко. В сообщениях по радио о выдачах продуктов всегда упоминалась его фамилия. И все спрашивали о нем, потом горько шутили: «Андреевко опять ничего не сказал».

Отец моей жены, по происхождению финн, живший в России с 1906 года, но всё же неправильно говоривший по-русски, перенеся голод времён Гражданской войны, был запаслив. Он собрал картошку с нашего огорода, запас в разные дни полторы лошади из убитых бомбами и снарядами животных, а также восемь лошадиных ног. Все это он засолил, и мы голодали немного меньше, чем другие. Однако постепенно, сберегая эти запасы, мы съели свою собаку и ее щенка, своих кошек, приносимых кошек из Бехтеревки.

С кроликами было покончено ещё в сентябре.

Хлеба служащим, а мы были ими, стали давать по 125 грамм. Потеряли способность носить раненых мои санитары. Я обратился к И. П. Виноградову, известному хирургу, которого очень уважал, с вопросом, что делать мне. Он ничем помочь не мог. Начали умирать санитары, потом сестры, потом и некоторые врачи.

На 7 ноября 1941 года было объявлено, что дадут пиво. Собрав карточки всей семьи, я 6 ноября часов восемь простоял в очереди и к ночи получил ведро пива. С этого памятного дня у меня начали появляться первые отеки, которые полностью не прошли и до настоящего дня: чуть что — отекаю.

После ноябрьских праздников вскоре появился и первый снег.

Сугробы убирать было некому, и постепенно остановился весь транспорт. Большое количество трамваев и троллейбусов застряло на улицах. Темнота в городе, особенно страшная в декабре— январе, угнетала. Население перешло на ходьбу, а все перевозки, включая завернутых в одеяла живых и мертвых, стали осуществляться на детских санях. На окраинах появились трупы людей, умерших на улицах и не убранных.

Появились и недозезенные трупы, в одеялах, на санях, брошенные ослабевшими людьми на улицах. Наш патологоанатом доктор С. И. Варзар заперлась у себя в квартире, не стала хлопотать карточку и умерла.

Нам с женой приходилось делать огромные маршруты от Рыбацкого до наших госпиталей. Взвешиваться на весах стало страшно. Несмотря на отеки ног, мой вес катастрофически падал и дошел до 58 килограмм, чего я не имел со студенческих лет. Все стали раздражительны, проявление чувств у мужчин к женщинам полностью прекратились, у женщин же прекратились менструации. Мыли только лицо и руки, но вшивости не было. Не было ни гриппа, ни ангина, ни аппендицита, ни прободных язв желудка. Зато у всех без исключения появились затруднения с удержанием при императивных позывах на мочеиспускание. Пили горячей воды много все, кто только мог на чем-нибудь её согреть. » <...>

Источник: <http://www.istrodina.com/rodina>

Блокадный Ленинград [Электронный ресурс] // Непридуманные рассказы о войне. — Режим доступа: <http://world-war.ru/category/blokadnyj-leningrad/>

Блокадный дневник Тани Вассоевич

Вассоевич Андрей Леонидович, д.ф.н., профессор
«Председателю Петербургского исторического клуба ТРК «Петербург»
профессору Вассоевичу А.Л.

Уважаемый ведущий! Уже многие годы в январе месяце в эфире радио «Петербург» звучат передачи, посвященные ленинградской блокаде. Традиция эта поддерживается и на телевидении. Два года назад 1-ый канал телевидения и телеканал «Культура» посвятили две программы блокадным дневникам ленинградской школьницы Тани Вассоевич. Я с большим интересом смотрела эти передачи, так как 40 лет назад я занималась в изостудии, которой руководила Татьяна Николаевна и долгие годы являлась ее ученицей. Не могли бы Вы на основе тех ее интервью двухлетней давности подготовить выпуск Петербургского исторического клуба, посвященный блокадным дневникам Вашей мамы? С уважением Ваша коллега по Университету Елена Николаевна Алексеева».

Андрей Леонидович: Этим своим посланием Елена Николаевна Алексеева поставила передо мною непростую задачу. Дело в том, что 4 января 2012 г. в 8 часов 20 минут вечера моя матушка умерла. И, тем не менее, откликаясь на это письмо, я принес в студию Дома радио DVD-диски, содержащие исходники телеинтервью, которые моя матушка давала два года тому назад. Наверное, правильнее будет начать с телеинтервью, которое брала у Татьяны Николаевны известный в нашем городе тележурналист Зинаида Юрьевна Курбатова, ныне работающая уже в столице.

Зинаида Юрьевна: Какой был состав семьи?

Татьяна Николаевна: Мама, брат, которому было 15 лет, он был старшим, мне было 13. Все жили на зарплату папы. Он был совершенно некабинетным ученым. Он потом стал членом-корреспондентом. Война его застала в экспедиции, ему было 40 лет, очень здоровый мужчина, и мы считали, что он на фронте.

Андрей Леонидович: Блокадный дневник моей матушки начинается с 22 июня 1941 г., с того момента, когда Вячеслав Михайлович Молотов по радио объявил о нападении гитлеровской Германии на Советский Союз.

Первая страница дневника Тани Вассоевич

Татьяна Николаевна: В первую же ночь первая настоящая тревога: в 4 часа утра, в 7 утра, ночью. Пока без бомбежек. Все просыпаются, спускаются вниз и идут к нам в квартиру. А 30 июня уже приказ эвакуировать всех детей без родителей, в обязательном порядке. Прошла неделя после начала войны. На дверях школы вывешивали списки погибших детей — представляете, как это деморализовало, это первые дни войны!

Зинаида Юрьевна: Когда Вы поняли, что начинается голод?

Татьяна Николаевна: У нас было положение хуже всего: совершенно не было денег. Я помню, как брат пошел на базар, продал свою порцию хлеба, чтобы на полученные деньги мама могла выкупить по карточкам продукты. Бедствовали ужасно. Живущая в этой же квартире тетя нам никак не помогала, хотя там был хоть небольшой, но приток продуктов.

Конечно, ужасные: какие-то куски желтые говяжьего сала, сою давали в зернах. Я, конечно, тоже стала это есть. Умерла мама. Все это есть было нельзя! И мы пили без конца чай, т.е. не чай, а горячую воду.

Подходишь, бывало, к бабушке, она: «Скорей-скорей, пока никто не видит». Нальешь кружку кипятка и пьешь. Считалось, что нельзя. А еще мы варили столярный клей. И иногда удавалось купить дуранду.

У меня в дневнике написано, что мы стояли в очереди с мальчиком из класса Борисом Антипкиным, и нам досталась дуранда — это был верх счастья. Я все хотела после войны когда-нибудь попробовать эту дуранду — такая ли она вкусная теперь или нет? Потом грешна: мы съели двух кошек. Нас в классе осталось двое мальчиков и девять девочек из сорока. Как-то Антипкин мне говорит: «Ты не можешь взять нашу кошку?» Я, конечно, не сказала, что хочу съесть эту кошку. Потом эта бедненькая кошка была обезглавлена (конечно, не мной) и изжарена. Мы ее съели, и это была невероятно вкусная еда.<...>

Зинаида Юрьевна: Ваши мысли в то время? Вы узнали, что снята блокада. Вы же радовались! Хотелось ли Вам вернуться в Ленинград?

Татьяна Николаевна: Ну, конечно! Хотелось вернуться очень! В Алма-Ате, где я была, когда эвакуировалась, когда сбежала к бабушке, которая жила в Ленинграде. В этом столе лежат грамоты за все классы, а вон там лежит золотая медаль, которую я получила, одна из всей школы, хотя мне и там жить было негде, я спала на столах в кабинете физики.

Зинаида Юрьевна: А вот я хотела Вас спросить о послеблокадной истории. Я знаю, что коренным ленинградцам трудно было вернуться обратно, и многие не вернулись, дети, такие как Вы. Нужен был вызов, потому что квартиры захватывали?

Татьяна Николаевна: Квартиру нашу стометровую действительно захватили, и с тех пор я мучилась с жильем до сорока лет. Это ужасно, это трагедия всей моей жизни, потому что до сорока лет мне негде было жить. Получилось так, что эта страшная управхоз, брат которой арестовывал целые этажи, она продала нашу квартиру, и было известно, кому и что. За взятки она продавала. Она папе дала, как только он вернулся, временный ордер на пятый этаж в коммунальную громадную квартиру, пока не освободится наша. А потом выяснилось,

что никаких временных ордеров не бывает, и мы остались совершенно без жилья. Мы остались в ужасной коммунальной квартире, где было 17 человек, куда на пятый этаж мы таскали дрова, где до воды надо было

бежать 70 метров, чтобы помыть ребенка. В общем, это была ужасная квартира, с больными, с душевнобольными...» <...>

Источник: <http://www.world-war.ru/blokadnyj-dnevnik-tani-vassoevich/>

Восстановленный Ленинград

Вашему вниманию представлены подборка фотографий блокадного Ленинграда и фотографии тех же самых мест, улиц, площадей и т.д. сегодняшнего дня.

Сад Трудящихся им. М. Горького
(в настоящее время Александровский сад)
На заднем плане Исаакиевский собор

**Площадь Урицкого
(в настоящее время Дворцовая площадь)**

Толкучка у Кузнечного рынка

Кузнечный рынок сегодня

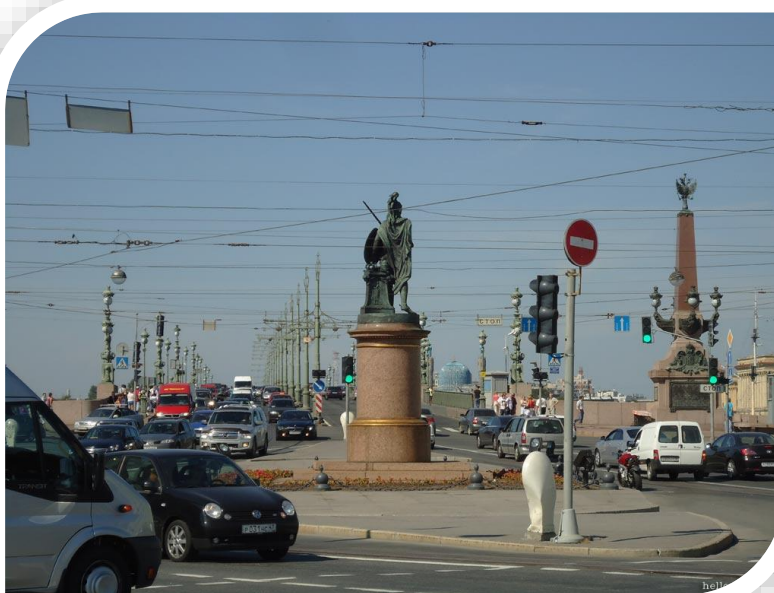

Невский проспект

Суворовская площадь

**Паровоз, передвигающийся по трамвайным рельсам,
на Загородном проспекте**

Загородный проспект сегодня

Знать и помнить...

Ольга Берггольц

Фашистам не удалось взять Ленинград штурмом.
Они замкнули вокруг него кольцо блокады.

...Я буду сегодня с тобой говорить,
товарищ и друг мой ленинградец,
о свете, который над нами горит,
о нашей последней отраде.

Товарищ, нам горькие выпали дни,
грозят небывалые беды,
но мы не забыты с тобой, не одни, -
и это уже победа.

Смотри - материнской тоской полна,
за дымной грядой осады,
не сводит очей воспаленных страна
с защитников Ленинграда.

Так некогда, друга отправив в поход,
на подвиг тяжелый и славный,
рыдая, глядела века напролет
со стен городских Ярославна.

Молила, чтоб ветер хоть голос домчал
до друга сквозь дебри и выси...
А письма летят к Ленинграду сейчас,
как в песне, десятками тысяч.

Сквозь пламя и ветер летят и летят,
их строки размыты слезами.
На ста языках об одном говорят:
"Мы с вами, товарищи, с вами!"

...Я буду сегодня с тобой говорить,
товарищ и друг мой ленинградец,
о свете, который над нами горит,
о нашей последней отраде.

А сколько посылок приходит с утра
сюда, в ленинградские части!
Как пахнут и варежки, и свитера
забытым покоем и счастьем...

И нам самолеты послала страна, -
да будем еще неустанней! -
их мерная, гулкая песня слышна,
и видно их крыльев блистанье.

Товарищ, прислушайся, встань,
улыбнись
и с вызовом миру поведай:
- За город сражаемся мы не одни, -
и это уже победа.

Спасибо. Спасибо, родная страна,
за помощь любовью и силой.
Спасибо за письма, за крылья для нас,
за варежки тоже спасибо.

Спасибо тебе за тревогу твою -
она нам дороже награды.
О ней не забудут в осаде, в бою
защитники Ленинграда.

Мы знаем - нам горькие выпали дни,
грозят небывалые беды.
Но Родина с нами, и мы не одни,
и нашею будет победа.

16 октября 1941

Ленинграду

Не ленинградец я по рождению.
И все же я вправе сказать вполне,
Что я - ленинградец по дымным
сраженьям,
По первым окопным стихотвореньям,
По холоду, голоду, по лишениям,
Короче: по юности, по войне!

В Синявинских топях, в боях подо
Мгою,
Где снег был то в пепле, то в бурой
крови,
Мы с городом жили одной судьбою,
Словно как родственники, свои.

Было нам всяко: и горько, и сложно.
Мы знали, можно, на кочках скользя,
Сгинуть в болоте, замерзнуть можно,
Свалиться под пулей, отчаяться можно,
Можно и то, и другое можно,
И лишь Ленинграда отдать нельзя!

И я его спас, навсегда, навечно:
Невка, Васильевский, Зимний дворец...
Впрочем, не я, не один, конечно.-
Его заслонил миллион сердец!

И если бы чудом вдруг разделить
На всех бойцов и на всех командиров
Дома и проулки, то, может быть,
Выйдет, что я сумел защитить
Дом. Пусть не дом, пусть одну квартиру

Товарищ мой, друг ленинградский
мой,
Как знать, но, быть может, твоя
квартира
Как раз вот и есть та, спасенная мной
От смерти для самого мирного мира!

А значит, я и зимой и летом
В проулке твоим, что шумит листвою,
На улице каждой, в городе этом
Не гость, не турист, а навеки свой.

И, всякий раз сюда приезжая,
Шагнув в толкотню, в городскую зарю,
Я, сердца взволнованный стук унимая,
С горячей нежностью говорю:

- Здравствуй, по-вешнему строг и
молод,
Крылья раскинувший над Невой,
Город-красавец, город-герой,
Неповторимый город!

Здравствуйте, врезанные в рассвет
Проспекты, дворцы и мосты всяческие,
Здравствуй, память далеких лет,
Здравствуй, юность моя горячая!

Здравствуйте, в парках ночных
соловьи
И все, с чем так радостно мне
встречаться.
Здравствуйте, дорогие мои,
На всю мою жизнь дорогие мои,
Милые ленинградцы!

Александр Решетов

На ленинградской улице

Не в первый раз идти нам вдоль
пустынной,
Вдоль отсверкавшей окнами стены.
Но перед неожиданной картиной
Остановились мы, поражены.

К стене в печали руки простирала,
Как бы ослепнув, женщина. Она,
Беде не веря, сына окликала.
Еще кирпичной пыли пелена
Казалась теплой
И на кровь похожей.

«Василий,
Вася,
Васенька,
Сынок!
Ты спал, родной,
Откликнись мне. О боже!»
...Из черных дыр оконных шел дымок.

Рыданьем этим, горем материнским,
Холодный день, обжег ты души нам.
А вечером
В полку артиллерийском
Мы обо всем поведали друзьям.

Кто под луной не вспомнил
дымной
Родную мать?
Чье сердце нам верней?
Гнев наших залпов
Равен будь великой
Любви многострадальных матерей!

1942

Из книги: От Советского Информбюро... Публицистика и очерки военных лет. М., АПН, 1982

Вера Инбер

Пальмовая ветвь, залитая кровью

«Моя шляпа и шпага, которые я купил перед отъездом в Стокгольм, также были унесены волной. Но благодаря богу я вышел живым из такой ужасной опасности...»

Что это? Начало романа XVIII века? Нет, это взято из письма шведского ботаника Иогана Петера Фалька к его учителю Линнею. Фальк описывает свое путешествие из Швеции в Петербург, где он впоследствии заведовал так называемым «Аптекарским огородом». Старинный аптекарский огород — это и было начало современного ботанического сада, гордостью Ленинграда. Тесная связь между Фальком и Линнеем не прекращалась. Они посылали друг другу письма и семена растений. Кто знает — не растут ли и сейчас в Упсале питомцы Ленинграда. И наоборот, проходя по аллеям нашего ботанического сада, не встречаю ли я там растений, уходящих своими корнями в Швецию, в ту самую Упсалу, где мне довелось побывать в 1934 году. Ленинградскому ботаническому саду 230 лет. Там есть деревья, посаженные еще царем Петром. Там есть, вернее была, пальма «Левистона Южная», подаренная Потемкину Екатериной Великой. Эта высочайшая в Европе пальма и сама была великим деревом, для которого была выстроена специальная оранжерея. Все эти африканские, южноамериканские и китайские деревья были подлинными тропики, возвращенные человеческой заботой. Над этими райскими деревьями были не властны невские ветра и метели. Вечное лето царило здесь под стеклом. Целые поколения ученых-садоводов, ботаников и натуралистов отдали все свои силы этому саду. А потомки этих немцев в ледяную ноябрьскую ночь разрушили фугасными бомбами всю эту редчайшую красоту. От взрывов бомб вдребезги разлетелись все стекла теплиц. Стужа дохнула на дремлющие в теплоте тропики. И все пальмы, все папоротники, все орхидеи и лианы — все это погибло в несколько часов. В звоне падающих стекол, в грохоте и огненных вспышках,

полубезумный от отчаяния, метался по оранжереям старейший работник ботанического сада Курнаков. Его изрезало стеклом, обожгло огнем. Он вздымал руки в высоту к «Левистоне Южной», как бы умоляя ее: живи! Но та качала царственной главой. К утру она была мертва.

«Это было, — так сказал нам Курнаков, — как если бы ледниковый период внезапно надвинулся на тропики».

И он был прав. Германский фашизм, подобно ледниковому периоду истории, обрушился на цветущую европейскую культуру. И воцарилась смерть. Жутко теперь в мертвых оранжереях. Пучки безжизненных листьев при порывах ветра издают печальный звон, подобный звону железных кладбищенских венков. Ласточки влетают в разбитый купол и исчезают, как будто стремясь как можно скорее уйти из этого царства запустения. Саговая пальма невысокая, но с могучим чешуйчатым стволом и перистыми листьями неслыханной пышности лежит, как мертвый страус, засыпанный собственными перьями. И только «Левистона Южная» вздымается колонной разрушенного храма.

«Понадобится двести лет, чтобы возродить все это», — говорит старый Курнаков. На лице у него белеет шрам от раны, полученной им в ту трагическую ночь. Запустение и тишина. И все же... не совсем. Круглая низкая оранжерея с резервуаром для воды, где произрастала знаменитая «Виктория Регия», уже возрождается к жизни. Вставлены выбитые стекла, резервуар снова наполнен водой. Плавающий термометр снова показывает нужную температуру. Мелодически капают где-то мерные капли. Теплый воздух навевает истому и маленькие, величиной с чайное блюдце, листья — внуки и правнуки погибшей «Виктории Реги» — плавают в воде. На одном из таких листов сидит кремовая бабочка. Старик Курнаков, озабоченно глядя вверх, говорит: «Как она сюда влетела? Очевидно, где-то еще не заделано стекло». Вокруг воды, на каменной ограде, стоят молоденькие пальмы. Мы узнаем, что это дети «Левистоны Южной». Не хочется уходить отсюда. Здесь снова зацветает вечно прекрасная жизнь. Но ее судьба неизвестна. Счастье ее хрупкое. Если не бомбежкой с воздуха, то очередным, почти ни на один день не прекращающимся обстрелом все это может быть разрушено в

одну ночь, в один час, в одну минуту. Европейская культура, ее многосотлетние сокровища в опасности. Одни уже погибли, другие под угрозой гибели. В Англии разрушены строения времен Шекспира. Погиб Руан — жемчужина французского средневековья. Вторично разрушен

Реймский собор. Сожжена и разрушена Пулковская обсерватория в Ленинграде. Сожжены и разрушены дворцы под Ленинградом. Непоправимо повреждены деревья ленинградского ботанического сада. Кто может поручиться, что такая же участь не постигнет их братьев и сестер в Упсале? Символ мира — пальмовая ветвь — залита кровью. Это будет продолжаться до тех пор, пока будет существовать германский фашизм, пока будет жить гитлеризм.

Дети наших растений и наши собственные дети находятся в смертельной опасности. Их подлинная жизнь начинается только после смерти гитлеровской Германии.

26 августа 1942 года

Николай Тихонов

Ладога — дорога боевая...

Ранней весной я летел над Ладогой. Зимняя дорога — дорога жизни — кончалась. Самолет шел почти бреющим полетом, и стало видно, как среди маленьких сосенок и елок стоят вмерзшие в снег крошечные суденышки. Но я знал, что это не простая флотилия. Это могучий Ладожский флот с экипажами испытанных моряков. И действительно, наступили дни навигации, и каждое из этих маленьких судов получило свою миссию, свой боевой приказ. На смену воинственному племени дорожников и шоферов пришли отважные моряки.

По волнующейся голубой дороге ладожских вод в город устремились потоки продовольствия и боеприпасов. Ленинград знал хорошо, кому он обязан каждым мешком муки, каждым кулем сахара, каждым ящиком крупы.

Ленинградцы знали, что работа на Ладоге требует особых качеств. Бурное озеро, враги на берегу, враги в небе, враги, грозящие с севера на воде, — все это преодолевали ладожские моряки. Простые, суровые люди крепко держали штурвал в своих привычных руках. Боевая дорога через Ладогу, как и зимой, когда она имела указатели, ледяные домики и регулировщиков, работала полным ходом. Много подвигов совершено скромными бойцами Ладожской флотилии...

Сейчас снова осень. Сентябрьские штормы уже вздымают седые валы и бросают легкие суденышки в водяную бездну, глухо ударяют в берега. Туманы и дожди закрывают горизонт.

Дорогие моряки Ладоги! Ленинград, великий боец, отразивший все атаки свирепого врага, закованный в броню, сам наносит врагу сокрушительные удары.

Он неприступен благодаря постоянному бодрствованию и совершенствованию своей обороны. Он тоже готовится к новой зиме, блокадной и суровой. Скоро Ладога покроется первым салом, потом и ледяной корой. Наладить дорогу сразу не удастся. Будет перерыв, когда ни корабль, ни грузовик не смогут преодолеть водную преграду. Прервется аккуратное снабжение. Что это значит? Это значит, что героические моряки Ладоги должны удвоить, утроить свои усилия по перевозкам, должны напрячь все силы, все умение, чтобы больше перевезти, больше закинуть грузов в Ленинград.

...Родина переживает грозное время. Враг рвется на юг, не жалея жертв. Но он, истекая кровью, может совершить бешеный прыжок отчаяния и на наш город, может попытаться снова отрезать нас неожиданным ударом. Надо быть наготове, надо быть стойкими и зоркими. Надо быть терпеливыми и запасливыми бойцами. Чем больше даст Ладога Ленинграду запасов продовольствия и боеприпасов, тем спокойнее, тем увереннее будет стоять наш чудесный, прекрасный город.

В ожесточенной борьбе советский народ завоевал себе свободу двадцать пять лет тому назад.

Перенося всевозможные лишения, отбивая натиски всевозможных врагов, все преодолел он и вырвал победу. Сегодня снова приходится советскому народу праздновать день Октября в ожесточенных

сражениях со смертельным врагом, который хочет лишить нас всех завоеваний Октября и кинуть наш народ во тьму средневековья.

Не будет этого, не выйдет это дело у врага. Будет он истреблен и уничтожен. Но для этого надо напрячь все силы и в тылу, и на фронте, особенно у нас, где и город — фронт, и озеро — фронт и где ради великого дня мы должны не посрамить заветов прошлого и быть достойными встретить славную годовщину новыми победами.

Вперед, дорогие ладожцы, вершите новые боевые дела, работайте бесстрашно и неустанно, победа будет за нами.

3 октября 1942 года

Алексей Толстой

Только победа и жизнь!

Ни шагу дальше! Пусть трус и малодушный, для кого своя жизнь дороже Родины, дороже сердца Родины — нашей Москвы, — гибнет без славы, ему нет и не будет места на нашей земле.

Встанем стеной против смертельного врага. Он голоден и жаден. Сегодня он решился напасть на нас и пошел на нас... Это не война, как бывало, когда война завершалась мирным договором, торжеством для одних и стыдом для других. Это завоевание такое же, как на заре истории, когда германские орды под предводительством царя гуннов Атиллы двигались на запад — в Европу для захвата земель и истребления всего живого на них.

В этой войне мирного завершения не будет. Социалистическая Россия и фашистская Германия бьются насмерть, и весь мир внимает гигантской битве, не прекращающейся уже более ста дней.

Враг нас теснит. Над Москвой нависла угроза. Враг собрал оружие со всей покоренной Европы. У него пока еще больше танков. В эту битву он бросил все, что мог, и большего усилия, чем в эти дни октября, он

повторить уже не сможет. Его тыл — как дупло гнилого дерева. Остановленный в эти дни, он именно сейчас, захлебнувшийся в своем наступлении, перейдет к обороне и изнеможет...

Наша задача в том, чтобы остановить гитлеровские армии перед Москвой. Тогда великая битва будет выиграна. Силы наши растут. День и ночь наши танки во все увеличивающемся количестве готовятся на машиностроительных заводах Союза. Заводы Днепропетровска, Днепродзержинска, Запорожья, Брянска, Киева эвакуированы в глубь страны.

Настанет час, когда мы перейдем к решающей фазе войны — наступательному удару по германскому фронту. Но чтобы перейти к этой фазе войны, нужно сейчас и немедленно остановить врага.

Ленинград нашел в себе величие духа. Ленинград сурово, организованно и твердо принял на себя чудовищный удар фашистских танковых и пехотных корпусов. Ленинградцы, красноармейцы, балтийские моряки отбросили их и жестко приостановили наступление.

На днях один из моих друзей прислал открытку из Ленинграда: «...настроение у нас бодрое, работаем. На кафедре у меня сквозняки, дырки в стенах. Лекции читаю. Оперирую. Вечером прихожу к сыну, приношу котлеты, кусок хлеба, вареной картошки; мы сидим в темноте в Военно-медицинской академии и смотрим в окно на черную Неву, на силуэты домов, на зарево по горизонту. Верим в скорую победу...»

Одесса остановила наступление вчетверо превосходящей по численности вражеской армии. Защитники Одессы оттянули большие силы врага, уложили на подступах к городу многие тысячи фашистских молодчиков.

Ленинград с честью выполняет свой долг перед Родиной — на подступах к нему враг захлебнулся в крови. Жребий славы и величия духа выпал теперь на Москву.

Мы, русские, часто были благодушны и беспечны. Много у нас в запасе сил и таланта, и земли, и нетронутых богатств. Не во всю силу понимали размер грозной опасности, надвигающейся на нас. Казалось, так и положено, чтобы русское солнце ясно светило над русской землей...

Черная тень легла на нашу землю. Вот поняли теперь: что жизнь, на что она мне, когда нет моей Родины?.. По-немецки мне говорить? Подогнув дрожащие колени, стоять, откидывая со страху голову перед мордастым, свирепо лающим на берлинском диалекте гитлеровским охранником, грозящим добраться кулаком до моих зубов? Потерять навсегда надежду на славу и счастье Родины, забыть навсегда священные идеи человечности и справедливости — все-все прекрасное, высокое, очищающее жизнь, ради чего мы живем... Видеть, как Пушкин полетит в костер под циническую ругань белобрысой фашистской сволочи и пьяный гитлеровский офицер будет мочиться на гранитный камень, с которого сорван и разбит бронзовый Петр, указавший России просторы беспредельного мира?

Нет, лучше смерть! Нет, лучше смерть в бою! Нет, только победа и жизнь!

На днях я был на одном из авиационных заводов, где делают штурмовики, которых фашисты называют «черная смерть». Они были сконструированы незадолго до войны. Их конструкция и вооружение улучшаются в процессе производства. Потери наших металлургических заводов не замедляют выпуска «черной смерти», он увеличивается с каждым днем: нехватка каких-либо материалов немедленно заменяется иными, местными материалами. Здесь, на заводе, неустанное творчество: инженеры, начальники цехов, мастера, рабочие изобретают, приспособляют, выдумывают... И тут же за воротами, на аэродроме, новые и новые грозные птицы, созданные творчеством русского народа, поднимаются в воздух и с тугим звуком натянутой струны улетают на запад — в бой...

На всех наших заводах идет та же напряженная творческая, изобретательская работа. Место уходящих на фронт занимают женщины и молодежь. Перебоев нет, темпы растут. Те, от кого зависит

выполнение и перевыполнение ежедневного плана, или же те, кто на ходу перестраивает производство, работают по трое или по четверо суток, не выходя из цехов. У них потемневшие от усталости лица, усталые глаза ясны и спокойны. Они знают, что еще много-много дней не будет сна и отдыха, они понимают, что в этой войне русский гений схватился на жизнь и смерть с гигантской фашистской машиной войны и русский гений одержит победу.

Красный воин должен одержать победу. Страшнее смерти позор и неволя. Зубами перегрызть хрящ вражеского горла — только так! Ни шагу назад! Ураганом бомб, огненным ураганом артиллерии, лезвиями штыков и яростью гнева разгромить гитлеровские полчища!

Умремте ж под Москвой, Как наши братья умирали, И умереть мы обещали И клятву верности сдержали...

Родина моя, тебе выпало трудное испытание, но ты выйдешь из него с победой, потому что ты сильна, ты молода, ты добра, добро и красоту ты несешь в своем сердце. Ты вся — в надеждах на светлое будущее, его ты строишь своими большими руками, за него умирают твои лучшие сыны.

Бессмертна слава погибших за Родину. Бессмертную славу завоюют себе живущие.

18 октября 1941 года